

УДК 821.161.1-1.Барскова«20»

АВТОРСКИЙ РАКУРС МУЗЫКАЛЬНОЙ ЭРОТИКИ В СТИХОТВОРЕНИИ ПОЛИНЫ БАРСКОВОЙ «ОТРАЖЕНИЕ»

Светлана Фокина, канд. филол.наук., доц.

*Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова
svetlana_fokina@ukr.net*

В статье представлено прочтение смыслопорождающего потенциала «музыкальной эротики» в стихотворении «Отражение» современной русскоязычной поэтессы Полины Барсковой. В лирическом сюжете выявлена авторская точка зрения на соотношение тем интимности и музыкальности. Проанализированы трансформации эротических кодов авторским сознанием поэтессы в соответствии с актуализацией музыкальности. Осмыслен авторский взгляд на мир в тексте «Отражения». В поле исследования вошли такие показатели авторского мира поэтессы, как авторские коды, эротические коннотации, музыкальная символика, семиотизация страстей.

Ключевые слова: музыкальная эротика, интимность, авторские коды, отражение, П. Барскова.

Проблема авторского ракурса как модели взгляда на мир через призму своеобразия сознания поэта в контексте поисков современного литературоведения не только актуальна, но и перспективна для исследования.

Изученность вопроса касательно «звукомзыкальной эротики» заставляет вспомнить работы Е. Махова [3], но подход, предложенный ученым, ориентирован на изучение романтической традиции и основ ее художественной идеологии. При этом в контексте сегодняшних научных исканий представляют модификации понятия музыкальной эротики на материале современной поэзии.

Цель данной статьи — осмыслить полифоническое единство эротических и музыкальных коннотаций в соотношении с авторской точкой зрения на материале стихотворения «Отражение» Полины Барсковой. Заявленная цель обусловила необходимость решения ряда **задач**: **1.** Выявить музыкальные и эротические коды в барсковском стихотворении. **2.** Изучить специфику музыкальной эротики в интерпретации современной поэтессы. **3.** Проанализировать показатели сознания в формировании авторского ракурса как мировоззренческой позиции.

В стихотворении Полины Барсковой «Отражение» возникает совмещение двух ракурсов: музыкального и эротического.

Полина Барскова
Отражение

*Мы отражались в пианино, в чужой квартире,
И ты сказал мне, засмеявшись: — Смотри, смотри,
Как удивленно и смиренно лежат четыре
Неярких тела: два снаружи, а два внутри.*

*Я повернулась к отраженью, привстав на локте,
Свое неловкое движенье на два деля,
А в пианино... Обгорелый античный портик
Окрасил памятью пожара двоих дела.*

*Откинув голову, смеялся, забыв причину.
Твой смех подпрыгивал, как мячик, среди теней.
И я, обняв тебя, смотрела, как мы в пучину
Уходим. И чем дальше, глубже, тем лак темней [1].*

Темы пианино и музыки не расторгимы и поэтому в барсковском поэтическом тексте телесная страсть заменяется музыкальной эротикой.

Характерно, что сама музыка, как и любовный акт, принципиально отсутствуют в ткани произведения и проявляются в тематическом плане лишь потенциально. На телесную страсть указывает близость тел, причем представленных в фокусе восприятия как отражение. Пианино сохраняет память о страсти тел, трансформируя ее в пассивность иного рода.

В культуре существует механизм, подразумевающий «способность обнаруживать музыкальность и там, где ни малейшего намека на реальную музыку не было» [3, с. 40]. Подобная художественная идеология не утрачивает своей привлекательности и для современной литературной ситуации. Но актуализация каких-либо музыкальных кодов там, где музыки, по сути, нет, обнажает необходимость для авторского сознания преобразования личностных страстей в план идеального, в данном случае — музыкального.

С точки зрения М. Эпштейна, каждая вещь «магнетически заряжается любовным чувством и вместе с тем создает его незнакомый образ, который требует разгадки <...> желание убегает от данности тела, чтобы узнать его чуждость, усилить его желанность взглядом со стороны» [5, с. 70]. Соотнесение эротических кодов с фактором их потенциального отражения высвечивает коннотации сознания, охваченного

страстью. Вышеупомянутые аспекты позволяют выявить в поэтическом тексте П. Барсковой коды музыкальной эротики, противостоящей телесности во всем смысловом многообразии воспоминания.

При этом показательно, что «эстетизация деталей, настойчивая фиксация на отдельных предметах, словах <...> призвана не столько обнаружить, сколько скрыть — намекнуть на — объект влечения...» [4, с. 471]. Такой ракурс открывает возможность рассматривать отражательный потенциал взгляда любящего как показатель интенсивности влечения. Взгляд охваченного страстью создает своего рода мифологический пласт, модифицирующий восприятие мира и преобразующий объект любви. Стремление скрыть от мира, а, возможно, даже и от партнера силу своего желания акцентирует ощущение интимности. Концентрация внимания на предметах позволяет влюбленному создавать некий миф о своем чувстве, возвышая его в воображении над обычными проявлениями эротики. Эта позиция способствует семиотизации переживаемой страсти и показательным становится выбор предмета (и его символика), на который фантазией любящего переносится коннотация интимности.

В восприятии влюбленного возникает стремление с помощью предметов, напоминающих о чувстве и эротическом опыте, взглянуть на ситуацию отстраненно. Возможность подобного взгляда неизменно подразумевает его отражательный потенциал. Познание себя и другого как в интимном единении, так и постфактум позволяет перейти от непосредственного переживания к, своего рода, философской медитации.

В данном плане показательна мысль Ю. Кристевой, высказанная в работе «Дискурс любви». Медитативный аспект «эротического фантазма» усиливает ощущение самоотречения, утраты самосознания и даже своей телесности или же в «умеренной версии этого», личность оказывается «на грани одиночества» [2, с. 106]. По словам Ю. Кристевой, фактор невысказанной любви «нуждается в дискурсивной и повествовательной стратегиях для того, чтобы хотя бы глухо дать знать о себе» [2, с. 106–107]. Своеобразие фантазийного компонента в рецепции любовного чувства становится показателем как его разделенности или же неразделенности, так и поглощенности своей страстью. Такой ракурс открывает возможность переигрывания эротического в его художественных модификациях: в преобразенном воспоминании, воображении, поэтическом слове, музыке и т. д.

Выбор в качестве зеркала пианино в стихотворении П. Барсковой несомненно не случаен. Интересно в данной связи вспомнить мысль Е. Махова о том, что, «вокруг фортепиано как бы образуется островок счастливой, ничем не затрудненной интимности...» [3, с. 42]. При этом в тексте современной поэтессы музыкальный инструмент долгое время остается не замеченным, как предмет обстановки, и неизменно беззвучным. Наблюдательность любовников, увидевших свое отражение, акцентирует разность их восприятия мира и своего эротического опыта. При этом фактор отраженности задает тему полифоничности, порождающую уже в смысловом плане потенциальную музыкальность. В аспекте авторского мифа П. Барсковой взгляд любящего порождает музыку, отражающую потаенные страсти, прячущиеся за обыденностью.

По замечанию Е. Махова, «нетрудно обнаружить особую значимость музыкального инструмента как вещи, словно бы организующей вокруг себя особый поэтический исповедально-любовный локус...» [3, с. 42]. Музыка становится в данном контексте не только индикатором силы и подлинности страстей личности, но и провокацией обостренного переживания любовного чувства. Именно образ «музыкальной эротики» эксплицирует сложность чувств и поэтизацию сексуального влечения. «Музыкальная эротика», хоть и вторична, но оказывается более завораживающей, чем память тел, охваченных страстью, до взглядывания в отражающий лак.

По сути, обе страсти внешне предстают в определенном смысле поверхностно. Телесная страсть уже удовлетворена («*смирленно лежат*», «*неярких тела*», «*забыв причину*») и кажется почти угасшей, а музыкальная эротика только потенциальна благодаря тому, что зеркалом становится именно пианино. Углубление страсти и обретение ею необходимой интенсивности происходит благодаря взгляду лирической героини, способному пробудить пассионарность не только в памяти своего тела, но и музыкальность в отражении («*Окрасил память пожара двоих дела*»).

Показательно, что в стихотворении при пассивности любовников, находящихся в стадии отстранения от пережитого телесного единения, отражение их тел в пианино оказывается замечено обоими. Фактически данная позиция фиксирует двоящееся, а может быть и троящееся отражение. Женский взгляд внешне противопоставлен мужскому, но третьей, едва уловимой точкой зрения становится

гамма чувств двох, до цього находившихся в інтимному єдиненні. Благодаря совмещению этих различных ракурсов пианино предстает зеркальным предметом, могущим породжати музику.

Підводячи ітоги, слідуети отметить, что для Полины Барсковой привлекательна тема «музыкальной эротики» своим смысловым потенциалом, позволяющим сформировать особый авторский ракурс в развертывании лирического сюжета и во взгляде на мир.

В плане **перспективы дальнейшего исследования** представляется интересным продолжить изучение проявлений «музыкальной эротики» на материале современной лирики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Барскова П. «Отражение» [Электронный ресурс] / П. Барскова. – Режим доступа к ист. : <http://www.vavilon.ru/texts/prim/barskova3.html>
2. Кристива Ю. Дискурс любви / Ю. Кристива // Танатография Эроса : Жорж Батай и французская мысль середины XX века / [перев., сост. и общ. ред. С. Л. Фокина]. – СПб. : Мифрил, 1994. – С. 101–109.
3. Махов Е. Звукомызыкальная эротика романтиков / Е. Махов // Апокриф: культурологический журнал. – 1992. – № 1. – С. 35–46.
4. Ушакин С. Слова желания / С. Ушакин // Эротизм без берегов : [сб. статей и материалов] / [сост. М. М. Павлова]. – М. : НЛО, 2004. – 480 с.
5. Эпштейн М. Н. Философия тела / М. Н. Эпштейн // Эпштейн М. Н. Философия тела. Г. Л. Тульчинский. Тело свободы. – СПб. : Алетейя, 2006. – С. 9–194.

АВТОРСЬКИЙ РАКУРС МУЗИЧНОЇ ЕРОТИКИ У ВІРШІ ПОЛІНИ БАРСЬКОВОЇ «ВІДОБРАЖЕННЯ»

Світлана Фокіна, к. філол. н., доцент

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова

У статті дається зразок прочитання смислороджуючого потенціалу «музичної еротики» у вірші «Відображення» сучасної російськомовної поетеси Поліни Барскової. В ліричному сюжеті виявлена авторська точка зору на співвідношення тем інтимності та музичності. Проаналізовано трансформації еротичних кодів авторською свідомістю поетеси відповідно до актуалізації музичності. Осмислено авторський погляд на світ у тексті «Відображення». До поля дослідження увійшли такі показники авторського світу поетеси, як авторські коди, еротичні коннотації, музична символіка, семіотизація пристрастей.

Ключові слова: музична еротика, інтимність, авторські коди, відображення, П. Барскова.

AUTHORIAL FORESHORTENING OF THE MUSICAL SENSUALITY IN POLINA BARSKOVA'S POEM «REFLECTION»

*Svetlana Fokina, Candidate of Philology, associate professor
Odessa I. I. Mechnikov National University*

In article is presented the reading of sense-generation's potential of «musical erotica» in the poem of the modern Russian-speaking poetess Polina Barskova «Reflection». In a lyrical plot is revealed the authorial point of view on correlation of themes of intimacy and musicality. Transformations of erotic codes are analysed in accordance with actualization of musicality by authorial consciousness of the poetess. The study is comprehended the author's view of the world in the text of «Reflection». In the field of a research such have entered indicators of the author's world of the poetess as authorial codes, erotic connotations, musical symbolics, a semiotization of passions.

The problem of an authorial foreshortening is not only actual, but also is perspective for a research. The authorial foreshortening is model of a view of the world through a prism of an originality of consciousness of the poet in the context of searches of modern literary criticism.

The purpose of this article is to comprehend polyphonic unity of erotic and musical connotations in correlation with the author's point of view on material of the poem «Reflection» of Polina Barskova. The subject of «musical erotica» is attractive to Polina Barskova by the semantic potential allowing to create a special authorial foreshortening in expansion of a lyrical plot and in a view of the world.

In respect of prospect of a further research it is represented interesting to continue studying of manifestations of «musical erotica» on material of modern lyrics.

Key words: *musical erotica, intimacy, authorial codes, reflection, P. Barskova.*

REFERENCES

1. Barskova, P. (2000), «Reflection», available at : <http://www.vavilon.ru/texts/prim/barskova3.html> (access September 2, 2016)
2. Kristiva, Ju. (1994), Diskurs ljubvi [Love discourse], Translated by Fokin, S. L., Mifril, St. Petersburg, Russia.
3. Mahov, E. (1992), «Sound musical sensuality of romantics», *Apokrif. Kul'turologicheskij zhurnal*, vol. 1, pp. 35–46.
4. Ushakin, S. (2004), «Words of desire», *Jerotizm bez beregov*, Originator Pavlova, M. M., NLO, Moscow, Russia.
5. Jepshtejn, M. N. (2006), *Filosofija tela* [Body philosophy], Aletejja, St. Petersburg, Russia, pp. 9–194.

Стаття надійшла до редакції 3 жовтня 2016 р.